

Л. А. Голушкина,
журналист

«Уральцы священную клятву держали»

Самоходка в неярких лучах полуденного солнца торжественно глядела на завод. Выхваченные солнечным бликом, высвечивали белым четыре строки, по два слова в ряд, как солдаты в строю:

Снарядами, танками,
Тоннами стали
Уральцы священную
Клятву держали.

Подписи под ними нет. Но на Уралмаше был свой рабочий поэт, лекальщик-«тысячник» Алексей Васильевич Глебов. И когда уральцы докладывали Председателю Государственного Комитета Обороны о том, что клятву, данную в грозный час войны, сдержали, эти строки из стихотворения Глебова включили в свой рапорт, а затем навечно занесли на чугунный пьедестал памятника. Под ними мог поставить подпись каждый, кто делал снаряды, варил сталь, ковал броню. Потому и стали они народными, как случалось со многими песнями и стихами, если проявлялся в них голос и душа самого народа.

Вчитываясь сегодня в слова клятвы уральцев, задумаешься, как они просты: «Отдать все силы, работать дни и ночи, чтобы удвоить, утроить выпуск всех видов вооружения и боеприпасов». И как впечатляющи дела: Урал производил до сорока процентов выпуска всей оборонной промышленности. Гигантская кузница страны, главный ее арсенал, Урал не на жизнь, а на смерть сражался за каждый снаряд, за каждый

танк. И свердловский богатырь Уралмаш, одним из первых подписав клятву, ковал оружие — от первого дня до долгожданного победного, когда уставшие до изнеможения рабочие утомленной, но твердой рукой вывели на сошедшей с конвейера самоходке слово: «Последняя!!!»

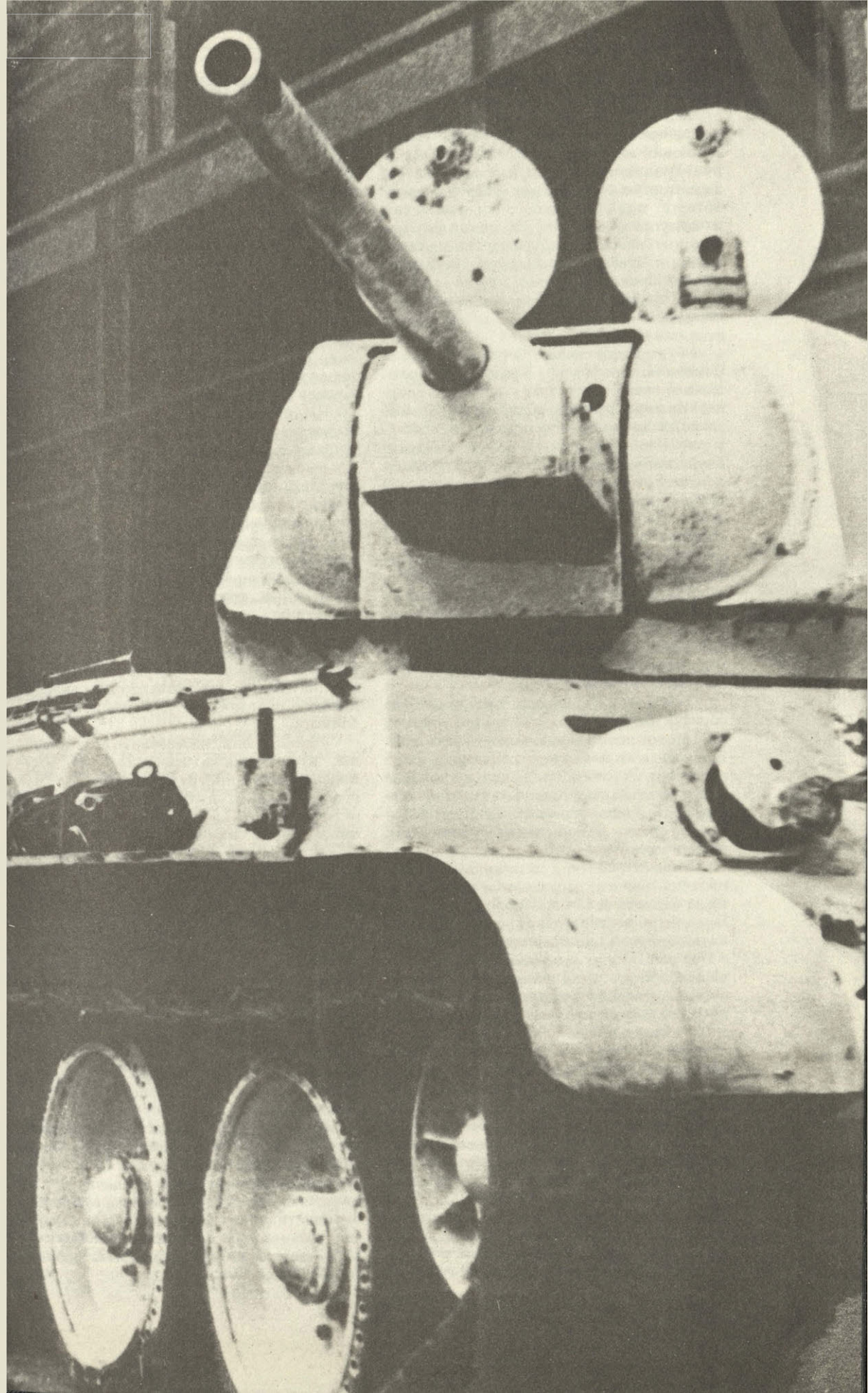
Такие самоходки участвовали в Сталинградском сражении, прорвали блокаду Ленинграда, шли на Берлин. А последняя, фронту уже не нужная, встала на пьедестал у родного завода. Ею закончилась для уралмашевцев война...

Прошло сорок лет. Высококачественные прокатные станы, буровые установки, экскаваторы с маркой «УЗТМ» знают сегодня во всем мире. Сегодня трудятся на Уралмаше не только дети, но и внуки тех, кто ковал победу. Дважды в день проходят они мимо памятника последней самоходке, сберегшей наш мир и покой. Для ветеранов завода она — частичка жизни, вложили они в нее силу рук своих и любовь к попираемому врагом отечеству. С каким волнением рассказывают они о каждом военном дне завода. Как оживает в их рассказах каждый факт, каждая цифра!.. Но прежде всего непременно спросят: «Видели нашу самоходку?» И лишь потом начнут вспоминать.

Уже на второй день войны уралмашевцы знали, что им предстоит выпускать корпуса тяжелого танка КВ для Челябинского тракторного завода, где эти машины собирали. Через полтора месяца страна ждала от Уралмаша первую партию этой продукции. Что это значило

С заводского конвейера — на фронт

для завода? По плану первой пятилетки Уралмаш должен был стать машиностроительной базой для всей уральской и сибирской промышленности. Завод, строящий заводы, — таково было назначение Уралмаша. Отсюда и особенный его характер: он был предприятием не серийного, а индивидуального производства, и выпускал не серии, а единицы продукции, необходимой тому или иному заводу. Чтобы организовать серийный выпуск броневых машин, нужно было освоить новые мощности и произвести коренную перестройку всего производства.

Об этом рассказал Сергей Иванович Самойлов, профессор Уральского политехнического института, лауреат Государственной премии, а в годы войны — главный технолог Уралмаша.

— Чтобы делать танки, необходимы были несколько сот специально оборудованных станков, мощные стенды для сборки, прессы для првки брони и так далее. Наши самые современные по тому времени станки для работы с твердыми сплавами не годились. С броней мы дела не имели, не знали технологии работы с нею, да и, честно говоря, не знали толком, что это такое — танк, корпус... Начинать перестройку нужно было с нуля, и осуществить ее в кратчайшие сроки, к августу, чтобы дать первые корпуса — это было задание Родины.

С Ижорского завода прислали для образца пять комплектов деталей корпуса КВ. Молоток от нескольких ударов сплющивался, а на металле не оставалось даже отметины. Рабочим, привыкшим к мягким углеродистым сталям, работать с неподатливым сплавом казалось не под силу. Нужно было найти подход, подчинить металл своей воле.

Старые рабочие, вспоминая о том времени, нет-нет да удивятся, как смогли тогда осилить все, что выпало на их долю. Правда, в августе завод сдал лишь те пять корпусов, детали которых получили с Ижоры. Но уже в сентябре, осуществив перестройку, поставили Челябинску свыше шестисот комплектов. А в 1942 году увеличили производство в семь раз!

В начале войны немцы имели танков в несколько раз больше. Под Москвой они сосредоточили танковую армию, вдвое превышающую то, что могли противопоставить им мы. Было ясно, что победу решат не только отвага солдат и талант полководцев, но и танки, пушки, снаряды. С этой мыслью работали все. И когда вышел из строя Сталинградский тракторный завод, уралмашевцы начали производить корпуса и среднего танка Т-34, освоив технологию всего за сорок дней. Почти одновременно пошли в поток и самоходки. Делали лопасти самолето-

тов, снаряды... И все равно ощущали неудовлетворенность: хотелось, чтобы с завода целиком собранные там танки уходили прямо на фронт. Ходатайство руководства о производстве Т-34 полностью в цехах Уралмаша было удовлетворено, и, когда из ворот завода вышел первый танк, многотиражка писала: «Со всей лаской и любовью, на которую только способны наши сердца, мы любиме собранной машиной. Скоро на фронт пойдут десятки и сотни таких машин...»

Все — рабочие, технологи, инженеры — жили на одном дыхании, одними мыслями, одной целью. Не ждали подсказок, распоряжений, указаний. Каждый вносил свое, если надо, шли к директору Борису Глебовичу Музрукову, к парторгу ЦК на заводе Михаилу Леонтьевичу Медведеву, предлагали, советовались, решали все сообща. Нарком танковой промышленности Вячеслав Александрович Малышев постоянно помогал уралмашевцам, глубоко вникая в их проблемы, обсуждавшиеся зачастую прямо в цехах. Именно он принял решение о строительстве термических печей, обеспечил завод радиально-сверлильными станками, а когда из-за трудностей с транспортом сократилась подача кислорода, предложил провести трубопровод с кислородного завода прямо в цеха. Только в общем творческом труде могли рождаться такие инициативы и ставиться такие рекорды, какими прославился Уралмаш в годы войны.

Уже 25 июня, на четвертый день войны, многотиражка сообщила: «Коммунисты слесари-инструментальщики т. Чугунов, Пьянков и Шуленок встали позавчера на стахановскую вахту и выполнили нормы на 180—200 процентов». Появились первые «двухсотники», «трехсотники», «пятисотники» — те, кто выполнял две, три, пять норм за смену. Началась неистовая борьба за время и за проценты. Один из первых «тысячников» Анатолий Михайлович Чугунов — он выполнял норму на 1900 процентов — вспоминал: «Мы сэкономили каждую секунду, постоянно совершенствовали технологию. И так все четыре года, без выходных и отпусков, по восемнадцать часов в сутки». Чтобы не упустить ни одной секунды, он клал на верстак часы и работал, что называется, по стрелкам.

Револьверщица Аня Лопатинская, которая делала болты для танков, была маленького роста, ей трудно было дотянуться до револьверной головки, потом до переключателя скоростей, до суппорта. Эта девятнадцатилетняя девчушка выполняла план на 300 процентов, а ее бригада стала первой на заводе девичьей фронтовой бригадой.

Инициатором соревнования комсомольско-молодежных бригад за звание фронтовых, лозунгом которых было «В труде как в бою», стал мастер-расточник М. Ф. Попов. Было это в сентябре сорок первого. Чтобы сократить время расточки отверстий в корпусах, Попов стал обрабатывать корпус сразу пятью станками — одним основным и по два с боков. Вместо 18 часов по норме обработка занимала пять с половиной. Потом по всей области соревновалось уже около 10 тысяч таких бригад.

Кузнец Тимофей Лукьянович Олейников, отстоявший у молота почти сорок лет, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, ковал кривошип для танков. Норма — 12 штук за смену. Разбивал квадратный лист не по плоскости, а угол на угол. И вместо 12 ковал 40, а потом и 48. Затем делали с бригадой противооткатники для пушек. Из слитка в 1700 килограммов получалось три штуки. Попробовали протянуть слиток — вышло четыре. А что значила каждая лишняя деталь? Еще одна пушка для фронта. «Сама мысль, что нужно отстаивать страну, спасти жизнь, придавала нам силы», — вспоминает Олейников.

Нехватка рабочих рук заставляла брать на завод ребят с 14 лет — война не делала скидок ни на возраст, ни на умение. Токарь Павел Константинович Спехов стал инициатором ускоренного их обучения, решив работать с учеником на один наряд. Задание давалось на двоих, выработка делилась пополам. Мастер терял в заработке, так как сначала работал за двоих. Но ученик, чтобы не быть обузой, старался скорее овладеть навыками. Несколько десятков ребят обучил так Спехов. Заменяли они ушедших на фронт отцов. С одним из тех, кому было тогда двадцать, мне довелось познакомиться. Александр Иванович Храмов — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, депутат Верховного Совета пятого и шестого созывов, на XXIV и XXV съездах партии избирался членом ЦК, почетный гражданин Свердловска. А был простым рабочим парнем, зуборезчиком — нарезал отверстия на башне, потом шестерни, делал захваты. Норма 70 — выдавал 140. Он вспоминает:

— Ну что сказать... Вот представьте: все вокруг было наше — и вдруг фашисты все это хотят у нас отнять. Что любили, чем жили, что берегли и ценили. Единственное, о чем думали, — защитить все это, скорее изгнать врага. Нас не нужно было агитировать, мы стояли стеной. Конечно, хотелось и в кино сходить, и с девушкой повстречаться, ведь молодость-то наша проходила... Но пока

враг был на твоей земле, мы думали об одном: больше танков, оружия и чтоб было оно надежным и прочным.

В 1933 году, когда Уралмаш выпустил свою первую продукцию — пушки Брозюса для забивки летков доменной печи, — Гитлер, придя к власти, похвально тем, что у рейха будут лучшие в мире танки. И так уверовал в свою непобедимость, что уже в 1940 году распорядился прекратить все конструкторские и технологические изыскания по усовершенствованию своих машин. На наших заводах даже рабочие думали, как сделать танки непробиваемыми и при этом более легкими. Башни сначала варили, потом начали отливать в земляные, а позже в металлические формы. Но на этом не остановились: стали башни штамповать. Этого мировая практика еще не знала. Уникальный пресс усилием в 10 тысяч тонн, на котором производилась штамповка, давал возможность достигнуть небывало высокой плотности брони. Вот почему бойцы писали с фронта, что на наших танках не страшно идти в бой.

В 1942 году Е. О. Патон внедрил на уральских заводах метод скоростной авто-сварки. Руководителю эвакуированного на Урал Киевского института электро-сварки до войны приходилось видеть танки лишь на парадах. Теперь нужно было изучить эту машину, понять ее место в бою, научиться варить без трещин. Патон с сотрудниками включился в сражение за качество наших машин, которое вели все уральские заводы, и понял смысл сказанных ему В. А. Малышевым слов: «Тут, на Урале, холодно, природа сурова, но скоро станет жарко от большого, напряженного человеческого труда». На заводах Германии до самого конца войны варили вручную, применяя трудоемкую механическую обработку.

К началу войны, по словам С. И. Самойлова, на Уралмаше было всего 23 сварщика. С эвакуированными на Урал заводами попали сюда молодые сварщицы: Феликса Гржибовская из Ленинграда и Шура Рогожкина из Брянска. Мы восхищаемся подвигом русских женщин, часто совсем еще девчонок, воевавших в женских эскадрильях, ходивших в разведку, выносивших с поля боя раненых. Но не менее восхитительно мужество тех из них, кто варил танки, забираясь внутрь бронированного панциря, установленного люком вниз, задыхаясь от жары и гари. Сколько сил и воли нужно было, чтобы работать так по 18 часов подряд, если не выдерживали даже мужчины... Как-то, рассказывала Александра Ивановна Рогожкина, на завод приехал Ворошилов. Пришел в цех. «Ты бригадир, будешь сейчас выступать на митинге», — сказал мне. И добавил: «Если будете варить в сутки две-

надцать танков, победа — за нами!» За соревнованием фронтовых бригад Гржибовской и Рогожинкой следил весь завод. Узнав, что ее сестра Полина воюет, Шура тоже стала рваться на фронт. Но сестра написала ей: «Делай с девчатами танки, с ними мы на фронте и без вас справимся, а без танков все погибнем». И работали они столько, сколько нужно было фронту.

Ни один фашистский снаряд не брал уралмашевскую броню, лишь высекал искры. Вражеское командование разработало инструкцию для своих солдат: взбираться на русский танк, обливаться его бензином и поджигать. За это полагался внеочередной отпуск. Если бы они знали, что варили эти танки-крепости нежные девичьи руки...

В 1942 году завод вдвое увеличивает выпуск стали. Прозвучали на всю страну имена мастеров Д. Сидоровского и И. Валеева, стремившихся побить рекорд друг друга: Валеев даст 13,5 тонны стали с квадратного метра пода печи, Сидоровский обгонит и даст 15,3. Валеев — 15,6, а Сидоровский — 17,6. Все зависело от мастерства сталевара: как он загрузит печь, как следит за сихтой, как соблюдает режим варки.

Ободренные победой на Волге, уралмашевцы призвали всех тружеников тыла стать «сталинградцами в труде». В 1943 году на Курской дуге в бой пошли уже целые танковые соединения. Окончательно пал престиж хваленых «пантер», «тигров», «фердинандов»: полторы тысячи вражеских машин были превращены в металлолом. Как ни изощрялись гитлеровские конструкторы, сделать танк лучше нашего они так и не смогли. Отчаявшись одолеть броню, враг стал бить по гусеницам. Рабочие Уралмаша и тут не растерялись: стали делать запасные траки — звенья, из которых состоит гусеница. Федор Никифорович Шестак, бригада которого штамповала траки, стал класть заготовки в печь не в один ряд, как раньше, а в несколько и штамповал вдвое, втрое, а потом и в четыре раза больше. А каждый трак весил 32 килограмма. Сколько же тонн перебрасывал за смену этот неутомимый человек!..

Сколько было трудностей! Валила с ног дистрофия — стреляли в лесах лосей и зайцев, отлавливали рыбу, заготавливали грибы. Наступала цинга — варили из хвои экстракт, готовили белковые дрожжи. Строили бараки для эвакуированных, оборудовали для жилья подвалы и мансарды, многих приютили в своих квартирах, уплотнившись на каждом метре. Организовали госпитали для прибывавших с фронта раненых, после тяжелого рабочего дня мыли полы в палатах, стирали бинты, устраивали концерты. Рассказывает об этом Виктор Нико-

лаевич Анфимов, бывший во время войны главным инженером управления жилищно-коммунального хозяйства завода. Откуда бралась в людях в то суровое время душевная щедрость и доброта! Не очерствели сердцем, не огрубели в чувствах: полуголодные и полураздетые, на личные сбережения покупали танки. Ушел на фронт танк «Артист музыкедиди», оплаченный актерами А. Мареничем и И. Емельяновой. Жены военнослужащих назвали купленную ими машину «Боевая подруга». На Днестре закончил свой путь танк «Свердловский школьник»: однажды к директору школы пришла девочка и сказала, что ее дядя подбит в танке, нужно купить новый; несколько школ собрали деньги и внесли в банк. В назначенный час к школе подошел танк, и лейтенант Воронков торжественно принял у ребят новую машину.

Поэт Твардовский назвал Урал опорным краем державы. Отрезали гитлеровцы Донбасс — уральская земля дала чугун. Заняли они южные районы, откуда поступал карбид, — дала торф — сырье для получения пиролизного газа, заменившего необходимый для резки брони ацетилен. Не дал Урал задушить нашу промышленность, отдал на службу людям свои богатства.

Весной 1943 года из сверхплановых танков был сформирован Добровольческий танковый корпус, оснащенный всем уральским. Рапортуя о нем, уральцы писали: «Руду дали гора Высокая и гора Благодать. Металл выплавляли и прокатали доменщики, сталевары, прокатчики Свердловска, Тагила, Серова, Первоуральска, Алапаевска, Кушвы. Редкие уральские металлы сделали броню неуязвимой. Красноуральск, Кировоград, Ревда, Каменск-Уральский снабдили танкостроителей и медью и алюминием. От других заводов Урала танки получили моторы, пушки, приборы, аппараты, радиопередатчики, боезапас... Машины были заправлены местным горючим. Грузили мы танки на железнодорожные платформы, сделанные в Тагиле, засыпали в топки паровозов уголь, добытый егоршинскими и богословскими горняками, — и получай, фронт, грозную машину! В атаку поведет ее крепкий уральский парень — танкист.

В составе корпуса было более двухсот уралмашевцев, путь его начался на Курской дуге, прошел корпус пять с половиной тысяч километров до Праги и Берлина.

Военная память Уралмаша — это старье заводские цеха, ставшие памятниками промышленной архитектуры. Именно в них делали танки и самоходки. Многие рабочие ушли отсюда на фронт. Имена тех, кто не вернулся, можно прочесть

на мемориальных досках. Памятником трудовой славы стал пресс, на котором штамповали башни. Кузнец Митрофан Матвеевич Шутов, орденоседец, ударник коммунистического труда, почетный уралмашевец, вспоминает, как в самый разгар войны лопнул один из цилиндров прессы, остановилось все производство. На железнодорожной платформе с оборудованием эвакуированного Новокраматорского завода нашли замену. Пресс до сих пор в работе, но к нему у всех особенное уважение — как к старому заводскому труженику.

В музее трудовой и боевой славы Уралмаша отражена вся история завода. В разделе, посвященном войне, видим полубогрешный комсомольский билет А. В. Костина. Он прошел от Москвы до Берлина, трижды на этом пути горел в танке, имел семь ранений и контузий, был заживо похоронен, перенес ужасы концлагеря. Вот пуля и простреленное письмо к родным В. М. Курочкина, первого на Уралмаше Героя Советского Союза, получившего это звание еще в финскую войну и погибшего в 1941 году. Облитая кровью красноармейская книжка девятнадцатилетнего токаря Володи Селиванова. Письмо, оставленное на случай смерти Героем Советского Союза Николаем Ивановичем Кузнецовым, замечательным разведчиком, работавшим во вражеском тылу под именем обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта. О нем написаны книги, созданы фильмы и спектакли. В 1935—1937 годах он работал на Уралмаше в конструкторском отделе, и в его комнате теперь филиал заводского музея. В том письме Кузнецов писал: «Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но потому, что Родина, которую я люблю, как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это. Пусть знает весь мир, на что способен русский человек и большевик! Пусть запомнят фашистские главари, что невозможно покорить наш народ, так же как невозможно погасить солнце...»

Таковыми — негибаемыми и самоотверженными — были все они: и те, кто превращал металл в оружие, и те, кто этим оружием разил врага. Эти люди умели выстоять у мартеновских печей, где металл рождался, и на полях сражений, где металл горел. Потому, что все 1418 дней войны они приближали нашу победу, живем сегодня мы.

На стеле, установленной на Уралмаше, изображены десять орденов, которыми награжден завод. Среди них и полученные в годы войны: ордена Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степе-

ни. На вечное хранение заводу передано Красное знамя Министерства обороны. Около двух тысяч рабочих и служащих награждены орденами и медалями. Более полутора тысяч ветеранов войны — боевыми орденами. Из трех тысяч ушедших на фронт уралмашевцев не вернулся каждый третий. В их честь на заводской площади сооружен мемориал, где вписаны в камень их имена.

Если бы о каждом уралмашевце, живущем, убитом или умершем от ран, написать хотя бы по несколько строк, получилась бы увесистая антология, веночек из имен и жизней, подвигов ратных и подвигов трудовых. С памяти о них начинаются все наши дороги, потому что они отстояли нашу жизнь. Низкий им поклон за это!

Москва — Свердловск — Москва

Памятник
труженикам
тыла